

Эмилия развернулась на месте, ее глаза метались по поляне, пытаясь найти источник голоса Кейдена. Когда она не смогла его разглядеть, она быстро заключила себя в защитную сферу арканы. Даже ее защита обрела новую силу - узор из сот, казалось, был встроен в сам воздух и излучал слабое радужное свечение.

«Кейден?» - осторожно спросила она, медленно осматривая поляну.

«...Да?»

«Где ты находишься?»

«Ты собираешься продолжать нападать на меня, если я раскроюсь?» - Его голос звучал немного смиренно.

«Да, пока я не буду уверена, что ты сможешь победить меня», - вызывающе ответила она с легкой ноткой раздражения от того, каким беззаботным он казался.

Часть щита Эмилии внезапно провалилась. Несмотря на то, что аркана вообще не сдвинулась и не было явной атаки, она без колебаний двинулась и бросилась из сферы, чтобы избежать приближающейся опасности, ловко таща неповрежденную аркану за собой, чтобы быстро превратить ее в новый барьер вокруг нее, когда она присела в обороне. Ее защитная сфера теперь гудела с еще большей силой, искажая сам воздух вокруг нее. Она уставилась на то место, где была минуту назад, но там ничего не было. Атака Кейдена не оставила вообще никаких следов, даже намек на окружающую аркану.

«Ты уже уверена?» - спросил Кейден.

Эмилия колебалась. Что заставило ее задуматься, так это тот факт, что Кейден, похоже, совсем не насмеялся над ней. В его тоне не было ни малейшего следа насмешки, даже здесь, в Забвении, где их общение меньше зависело от звука и больше от чистой передачи мыслей и впечатлений. Она уловила следы напряжения в его сознании и сильную тревогу, но она чувствовала, что это было не потому, что он рассматривал ее как непреодолимое препятствие. Казалось, он боялся, что может причинить ей боль.

«...Ты... сдерживаешься?» - спросила она, негодуя окрашивая окружавшую ее аркану.

«Немного».

Кейден определенно должен был быть где-то на поляне, так как ни один из них не мог покинуть кольцо символов, созданное Авгерами. Повинуясь какому-то предчувствию, Эмилия повернула голову, чтобы еще раз осмотреть поляну. На этот раз ей показалось, что она увидела мельчайшую вспышку в воздухе в том же месте, где раньше был Кейден. Это почему-то напомнило ей рыбу, внезапно бросившуюся прочь от поверхности воды, чтобы избежать какой-

то предполагаемой опасности.

Она отреагировала быстро, решив переработать аркану в своем щите, чтобы нанести мгновенный удар, вместо того чтобы тратить время на создание нового резервуара энергии. Барьер вспыхнул и превратился в обжигающий свет, который она сфокусировала в ослепительно яркий луч, охвативший четверть поляны в своей ярости. Он пронесся по голой земле и оставил ее полностью обугленной и потрескавшейся.

«А-А-А-А!»

Крик агонии эхом разнесся по поляне и повис в воздухе. Только после того, как звон в ушах прекратился, Эмилия поняла, что он исходил из ее собственных уст и разума. Она все еще сидела на корточках на земле, но ее левая нога теперь была пригвождена к месту зазубренным полупрозрачным осколком арканы длиной почти пять футов. У него была слабая радужность, которая напомнила ей о щите, который она создала, только как-то чище. Он появился так быстро, что она даже не могла сказать, был ли он сброшен сверху или вырвался из самой земли.

И кровь. Маленькие капельки повисли в воздухе перед ней, и часть их стекала по осколку. Еще больше быстро скапливалось под ее раненой ногой. Боль была такой сильной, что внезапно показалось, будто она не была частью ее самой. Смутно она осознала, что если по осколку стекала кровь, то он правильно пронзил ее снизу.

«О черт, подожди, извини!» - взволнованный голос Кейдена эхом разнесся по поляне. Мгновение спустя осколок влился прямо в ногу Эмилии, и она почувствовала, как боль исчезла от внезапного тепла прикосновения арканы. Когда все закончилось, она была совершенно невредима. Даже травма от агонии как-то притупилась в ее сознании.

«Хорошо, - начала она, а затем сделала паузу, немного удивленная тем, как спокойно она звучала после того, как была так сильно ранена. Она вздохнула и села на землю. - Хорошо. Я уступаю. Ты определенно можешь победить меня. Ты покажешься мне?»

А затем, совершенно неожиданно, Кейден оказался именно там, где стоял раньше. В аркане вообще не было никакой ряби или волнения. Однако, как только он появился, он опустился на землю с выражением облегчения на лице.

«Извини за это, - сказал он, указывая на ее ногу. - Это определенно было совсем не то, что я собирался сделать. Это как-то ускользнуло от меня».

Эмилия отмахнулась от его извинений, излучая сильное любопытство.

«Что только что произошло? Куда ты пропал? Как ты можешь быть совершенно невредим?»

Кейден поджал губы, неуверенный в том, насколько ему комфортно делиться с ней. Когда она напала на него, на него снизошло озарение - момент, когда большая часть их реальности обрела для него смысл. В Забвении формы, которые они носили, на самом деле не были их телами, они были просто ментальными позами, в которых их разумы устроились, чтобы ориентироваться в незнакомых, чуждых слоях реальности. Он подозревал, что бой в забвении, который выглядел точно так же, как физический бой там, в "реальном мире", также был на каком-то уровне просто конструкцией, хотя он действительно думал, что в этом была какая-то субстанция. Возможно, их разум просто интерпретировал это для них и облекал в ту же знакомую форму.

Как только он осознал это, он понял, что может легко избежать всего, что Эмилия направила на то, что он воспринимал как свое тело. Все, что ему нужно было сделать, это переместить эту часть своего разума подальше от этого места. В Забвении они действовали в более высоких, скрытых измерениях, поэтому было относительно просто убедиться, что его аурная-окружающая-вспышка в настоящее время не занимает это место в этом конкретном измерении. Мысленно он представлял, что они сражаются в трехмерной плоскости, но Эмилия выбирала точки для удара по осям X и Y и обязалась оставаться полностью на одном уровне по оси Z. Даже если бы она затопила всю поляну, ему просто нужно было сместить свою аурную вспышку вдоль оси Z, чтобы избежать всего, что она бросила в него. Это было почти как прыгать через волну на пляже.

Эта мысленная аналогия была единственным, что спасло его, потому что, хотя он знал, что делает, на самом деле он не мог понять всех ощущений, которые на него напали, когда он проделал этот конкретный трюк. Фактически, переход в эти неизвестные высшие измерения (или это было в более глубоких измерениях?) это был глубоко тревожный опыт, для которого у него действительно не было слов. Самое близкое, к чему он мог подойти, чтобы осмыслить это, было похоже на то, что все его тело было просто пальцем ноги, и хотя все его чувство собственного "я" заключалось в этом пальце, он смутно чувствовал связь с большим телом и понял, как согнуть эти призрачные, чужеродные конечности так, чтобы его палец немного подергивался.

Что же касается зазубренной части чистой арканы, то это оказалось ужасной ошибкой. Он предположил, что было бы невозможно поймать или обездвижить Эмилию с помощью обычных последовательностей, потому что она могла бы просто обойти их стороной, как это сделал он, поскольку она тоже была «зрячей», поэтому он попытался использовать эти туманные части своей аурной-окружающей-вспышки, чтобы фактически прижать ее, предполагая, что это будет похоже на использование собственных конечностей, чтобы физически прижать кого-то другого к земле. Именно так он пробил дыру в ее первом барьере — просто потянувшись вниз (или вверх?) с чистым фокусом на разрушении арканы.

Вместо этого, когда он попытался прижать ее, он каким-то образом вызвал этот осколок арканы, настолько чистый и концентрированный, что он был способен нанести физический вред, сохраняя при этом свою целостность. И он сделал это без каких-либо глифов или какого-либо особого целенаправленного намерения.

«Прости, Эмилия, - сказал он после нескольких секунд молчания. - Я не думаю, что мне пока стоит тебе говорить. Особенно после того, что ты только что пытался сделать».

Если она и обиделась, то не подала виду. В ее эмоциях, казалось, не было ни обиды, ни возмущения, а если и было что-то из этого, то, вероятно, это было полностью затуманено ее любопытством. Она приняла его ответ коротким кивком, но он чувствовал, как бурлит ее разум, когда она прокручивала аркану в своей голове. С его большей осведомленностью о том, как все работает в Забвении, он подумал, что может даже обнаружить тонкое смещение в больших измерениях, которое намекало на то, что она начала перемещать свою аурную-окружающую-вспышку так, как он двигал свою во время боя.

Он попытался небрежно подойти к символам, окружающим поляну, хотя было трудно полностью скрыть свою настороженность по отношению к ней. Она бесстрастно наблюдала за ним, ее разум все еще был сосредоточен на попытке разгадать, что он сделал ранее. Он не мог не выдохнуть с облегчением, когда, наконец, встал перед тем сегментом последовательности, который он знал.

Его пальцы потянулись к символам, и его разум потянулся через них.

«Знание. - Он повторил про себя слова Авгеры, сосредоточившись теперь не на самих словах, а на формах мышления, к которым они должны были относиться. - Знание. Форма этого в сознании. Тень мысли».

Символы под его пальцами ответили ему. По мере того, как его аурная-окружающая-вспышка меняла свои позы, он чувствовал, как отдаленные, неизвестные сегменты их щелкают в позиции понимания, так что даже здесь, в этой части, которую его разум полностью населял и понимал, до него доходил какой-то смысл. Это ощущение понимания распространилось, и, оглядевшись, он понял, что знает остальные символы в последовательности, которая проходила по кольцу, но не так, чтобы их было легко измерить или объяснить. Это было больше похоже на видение чего-то из смутного воспоминания о сне. Все, что у него было, - это ощущение знания и узнавания, но не все детали.

Если он был полностью честен с самим собой, это было довольно неправильно. Он ожидал потока сверхъестественных знаний и внезапной способности легко читать глифы. По крайней мере, он надеялся получить какое-то представление о самой природе этих инопланетных символов. Вместо этого все, что у него было, - это смутное, искаженное чувство воспоминания, и никаких реальных знаний. Внезапно маленькая стычка с Эмилией показалась ему довольно глупой. Вся эта суета из-за этого?

«...это сработало?» - тихо спросила Эмилия.

«Да, - сказал он, поворачиваясь к ней лицом, не скрывая своего разочарования. - Но это не совсем то, ну... Я не знаю. Это не похоже на какое-то крупное вливание силы, как мы это себе представляли».

«Так ты не можешь освободить нас из этого места прямо сейчас?»

Он бросил свежий взгляд на последовательность, пытаясь найти какое-нибудь слабое место,

которое он мог бы использовать, чтобы разбить все это на части, но ничего не выделялось для него.

«Нет».

Эмилия нахмурилась.

«Но она определенно должна быть в некотором роде преобразующей. Ты можешь сказать, что она с тобой сделала?»

«Она... она дала мне смутное представление о глифах. Но это... кажется, это просто ощущение. Я смотрю на них, и у меня такое чувство, что я знаю, что они означают, но, если бы ты на самом деле спросила меня, что они означают, я бы не смог сказать тебе, что означал или делал любой из этих символов».

«Совсем ничего? - настаивала она, теперь уже немного отчаявшись. Она указала на один из них. - Сосредоточься на этом».

Он подчинился, хотя это было больше для того, чтобы успокоить ее, чем из-за какой-либо реальной убежденности.

«Ничего. Просто... просто такое чувство, что я его знаю. Но я понимаю его не больше, чем раньше».

«Нет, ты только посмотри на это! - волнение Эмилии становилось все более заметным. - Только не своими глазами. Ты кое-что сделал раньше, во время драки. Я не уверена, что именно, но ты... ты был где-то в другом месте. Это означает, что ты смотрел в другом месте. Ты смотрел чем-то другим. Смотри».

Кейден уставился на нее, немного удивленный тем, как много она узнала, и как быстро пришла к правильным выводам, даже если у нее не было всех деталей.

Она была права. Ему было комфортно здесь, в этой коже, которую он считал своей собственной, как целое вместилище своей аурной-окружающей-вспышки, но он увидел проблеск истины. Его тело, даже части его аурной-окружающей-вспышки, которые он мог немедленно воспринимать, были просто ветвями гораздо большего дерева. Ему нужно было начать обживать все остальное. Ему нужно было по-настоящему, по-настоящему увидеть.